

Приближение к рыбалке

Дом, в котором прошло моё детство, фасадной стороной глядел на ручей (единожды в год, весной, набиравший силу и превращавшийся в довольно широкую и глубокую по руслу речку), боковыми же окнами через наш и соседский огороды — на Западную Двину. Городок был невелик: районный центр на западной окраине Смоленщины, граничащий с Витебской областью Белоруссии. До Второй мировой войны рядом с местом, где стоял наш дом, был мост, на противоположном высоком берегу — церковь. Но этого я не видел: на месте моста в моём детстве были «быки» (бетонные клетки опор, торчащие из воды, с которых мы любили нырять) и остов изуродованного снарядами краснокаменного здания. В одно летнее утро в конце пятидесятых раздался взрыв, от которого задребезжали стёкла в окнах, и этот остов превратился в гору рваного, но на удивление прочного кирпича, который довольно скоро развезли те, у кого в нём была нужда.

От этой невеликости городка у подавляющего большинства мужского населения местом трудов или отдохновения от них была река. И приобщение к ней начиналось с детства, с путешествий по тому же ручью...

В весенние, после ледохода, разливы в устье ручья можно было поймать плотву, подуста и даже подлещика. После половодья он вновь становился мелким и узким, местами — на один прыжок, а в самых глубоких ямках нам, пацанам, вода едва доходила по грудь или, уж самым маленьким, по горлышко... Перед ямками и за ними были отмели. Здесь под камнями прятались широколобикки, или, как мы их называли, ширики, — мелкие рыбёшки, напоминавшие формой морских бычков. Они были величиной с мизинец взрослого мужчины, их добывали исключительно из спортивного интереса, отдавая потом либо котам, либо уткам. Орудием лова являлась столовая вилка. У меня — трофейная немецкая, с острыми и прочными зубьями и удобной деревянной ручкой, которую я брал без разрешения и оттого ни на минуту не выпускал из

рук. Её главным достоинством была именно прочность, потому что тыкать приходилось довольно сильно в песчаное или галечное дно...

Завернув штаны или шаровары (которые были в те годы в моде) выше колен, мы брели по холодной из-за бьющих ключей воде, осторожно переворачивая левой рукой камни, а правой стремительно накалывая на вилку настроившегося сорваться под другой камень ширика.

...Лето моего раннего дошкольного и начала школьного детства проходило на реке. Это был конец пятидесятых, хрущёвская эпоха, из которой помнятся видимая и слышимая окружающая бедность, безденежье, пьянство мужиков (привыкших к фронтовым ста граммам, но явно предпочитавших дозу увеличивать), драки как между собутыльниками, так и между мужьями и жёнами, которые, как я понимаю теперь, были способом выбросить излишний адреналин, накапливающийся в течение ежедневных нелёгких забот. Как правило, семейные ссоры выносились на улицу, с апелляцией к вышедшим соседям: «Гляньте ж, люди добрые...» — и с естественным делением этих соседей «за Машку-труженицу» или «против Машки-распутницы»...

Массовые пьянки были не столь часты и случались по праздникам, по будням же были немассовые загулы по поводу (свадьба, крестины, явление желанного гостя...), а по наличию средств — выпивки, коими увлекались в нашей округе с десятков мужиков, остальные же были заняты либо в леспромхозе (который в те годы бурно развивался, осваивая всё новые и новые делянки в близлежащих лесах), либо на реке — в сплавной конторе или же индивидуально добывая рыбку для пропитания.

Выживать помогало то, что практически в каждом подворье держали живность и обязательно был огородик, засаживаемый преимущественно картошкой. Именно бульба да взращённый на травяной болтушке и забиваемый осенью поросёнок не давали погибнуть даже самой загульной семье. Ну а работающим позволяли выкроить средства из мизерного заработка на то, чтобы приодеться и хотя бы в праздники снимать традиционную и привычную фуфайку.

Рыбалка была вполне стоящим, добычливым занятием и поощрялась жёнами.

Рыбачить начинали с самого половодья. Река ещё выпирала из берегов, была коричневой от переносимого песка, ещё катера в сплавной конторе только настраивались к лесосплавному сезону, а самые нетерпеливые уже выходили на промысел. И прежде всего добывать топляк — набравшее воды дерево, смытое паводком с леспромхозовских делянок.

Это было небезопасным занятием. Каждую весну несколько мужиков находили успокоение от суетной жизни в реке, давая повод для ссор семейных, когда очередной выезд какого-нибудь

молодого и ещё не надоевшего мужа отменялся упорством ещё любящей жены: «Не пущу!..»

Топляк был даровым лесом, дровами, которые в противном случае приходилось покупать в леспромхозе. Более-менее ровный и хорошо просохший на берегу за лето, он вполне мог пойти также на бытовые постройки. В любом случае это была выгода для семьи.

Поездка на моторке в это время была опасна тем, что топляк плыл по реке, скрытый водой, наподобие гигантского утопленного поплавка. Встреча с таким «поплавком» для моторки на скорости была катастрофой: от удара она переворачивалась, и находящиеся в ней оказывались в холодной и бурной реке, и в телогрейке, сапогах и ватных штанах (в которых, как правило, мужики промышляли) доплыть до берега или догнать перевёрнутую лодку было практически невозможно. Иногда, правда, последнее удавалось, и тогда счастливица снимали с днища его лодки где-нибудь в конце города, возле сплавной конторы, где всегда наизготовку была конторская большая, со стационарным мотором, лодка...

Река во многом определяла образ жизни горожан. Лодки гирляндами покрывали оба берега. С их помощью сообщались между собой две стороны: большая, где находились городские учреждения, власть и школа-десятилетка, и малая, с леспромхозом как главным предприятием, подворьями с огородами и восьмилетней школой. На них, уже летними вечерами и ночами, по тихой и тёплой Западной Двине катались влюблённые. На них же раз в году, в несколько августовских ночей, город выезжал лучить метулицу (я думаю, это явно местное словцо идёт от «метелицы» — оттого что вылет бабочек-подёнок действительно похож на самую настоящую метель) — жарко треща факелами, заманивать белокрылых мотыльков, только что вылупившихся из глиняных отложений на дне реки и тут же сгорающих в пламени, устилая движущимся потрескивающим ковром дно лодки... Метулица потом использовалась при приготовлении подкормки для ловли на ходовую (в проводку)...

Такая рыбалка считалась самой добычливой. Заключалась она в следующем: лодка якорилась в месте, где шла рыба, на лопаточке с длинным черенком подкормка (налучённая масса, замешанная глиной) опускалась на дно, где постепенно размывалась течением, вытягивая мутный запашистый след. Снасть представляет из себя не очень длинное удилице с леской, чуть большей по длине, устойчивым поплавком под тяжёлое (чтобы быстро уходило на глубину) грузило. Сидя на скамейке или корме, бросаешь её вверх по течению и провожаешь поплавок вдоль борта, пока хватает длины. Это пять-шесть метров, и за эти секунды и происходит поклёвка... Обязательная необходимость — подхват. Самая желанная добыча — лещ, хотя чаще берут плотва, подлещик, голавль...

Это летняя река, видимая...

Покрытая льдом, она не так интересна, но тем не менее, помимо катания по обдутому ветром или специально расчищенному льду на коньках, прикрученных к валенкам, я одно время приистрастился ставить перемёты на налима, который водился в реке в изобилии и считался рыбой сорной, гораздо худшей в сравнении с тем же лещом, язем, подустом, щукой или окунем. Не говоря уж о самой завидной добыче — соме...

Это была уже вполне взрослая рыбалка. Я делал лунки, опускал в них шнуры с насаженными на крючки куриными кишками, а на следующее утро шёл проверять. Скользя на валенках, словно на лыжах, по не очень крепкому льду (лучше всего налим брал перед весной) и надеясь не попасть в припорошённые снегом свежие полыньи, в которых бабы полоскали бельё (естественно, делая их каждая напротив своего дома), я отыскивал лунки, помеченные веточками, разбивал ночной ледок и опускал вниз «кошку» — четырёхлапый крюк, сваренный из согнутых больших гвоздей. Вылавливал шнур, вытаскивал вяло сопротивляющихся чёрных, под стать зимней воде, рыбин...

Но самой азартной была добыча голавля. Правда, она не считалась солидной и отпугивала мужиков необходимостью всё время ходить по берегу. Иное дело — в лодке на ходовую либо над донками посидеть, где можно и язя или сома зацепить, и ноги не устанут. За голавлём же — топать и топать, поэтому занимались этим в основном подростки.

Начиналась по-настоящему эта рыбалка в июле, когда кузнечики становились большими и соблазнительными. Удочка должна быть длинная и лёгкая, для этого приходилось обойти немало орешника. Леска — чуть длиннее удилица, поплавок — из гусиного пера, грузила никакого... Каждый заброс — в новое место...

Лучшие голавлевые места — на Ястребской головке, в трёх километрах от города выше по течению. Это было самое перекастистое место в окрестности, голавль и язь там держались. Сомы — чуть ниже, в Пестуновом омуте и мызе... Подлещик — между двумя этими пунктами...

Детское увлечение голавлевой охотой мне помогло в дальнейшем освоить ловлю хариуса и форели...

Желанное одиночество

Четырнадцатилетним отроком я от берегов Западной Двины переехал на берега Хантайки, притока Енисея. Путешествие было хотя и долгим, две недели, но замечательным, включающим и многодневный путь на поезде, и первый полёт на самолёте, и медленное плавание на пароходе. Я помню туманный и прохладный день на хантайском берегу, пятнадцатое августа тысяча девятьсот

шестьдесят пятого года, когда однопалубный пароход «Омик» приткнулся к деревянному причалу пионерного посёлка гидростроителей. И из тумана доносился неведомый гул, который, как потом оказалось, был шумом близкого порога.

...В середине семидесятых двадцатого века нищета на искони русской, смоленской земле, пожалуй, достигла своего устойчивого и неизменного положения. Самым популярным и доступным продуктом было плодово-ягодное вино — «бормотуха». Небольшой заводик по его производству размещался недалеко от нашего дома, на берегу ручья, и запах превших яблок быстро насытил и атмосферу, и воду в ручье.

Заводик преуспевал, плодово-ягодное было доступно и по цене, и по наличию, и к четырнадцати годам каждый из моих сверстников уже понимал в нём толк. Это понимание многих с годами привело к ранней смерти...

Гораздо хуже было со вкусом сливочного масла, колбас, сыра...

В далёкой Сибири, где давно уже жил брат матери, судя по его письмам, как раз наоборот, ничего не знали о плодово-ягодном, предпочитая употреблять коньяк из специализированного московского магазина в Столешниковом переулке, но зато не понаслышке судили о шоколаде и колбасе.

В Снежногорске (так называли посёлок строителей Хантайской ГЭС) в год нашего приезда изобилия не было, в короткую навигацию успели завезти только самое необходимое для пока ещё совсем немногочисленного отряда строителей первых домов: мясо, овощи, сухую картошку, макароны, крупы... Спиртное не завозилось, был сухой закон. Но охоться и рыбачь сколько хочешь, где хочешь и когда хочешь, никакой ни рыб-, ни охотинспекции не было.

Правда, встречались медведи... Иногда шатуны...

В сентябре, спустя месяц по прибытии, меня запоздало поздравили с четырнадцатилетием и подарили одноствольное ружьё двадцать восьмого калибра.

Посёлка как такового ещё не было, стояли лишь пара деревянных свежесложенных двухэтажных домов и небольшая деревянная же школа. Самой популярной профессией была плотницкая. Жилья не хватало, и за чертой будущих стандартных домов кучковались в наиболее удобных местах на склонах кряжа (на котором, собственно, и строился посёлок) балки — такие одно-двухкомнатные вагончики, переделанные под жильё в долгую и суровую зиму, то есть обшитые и отсыпанные утеплителями (опилками), с сооружённой, как правило — посередке, печкой. Первые пару лет мы жили именно в такой балке, от которого до ближайших болот с утками и ондатрой было рукой подать...

Эти годы, с тысяча девятьсот шестьдесят пятого по шестьдесят восьмой, на мой взгляд, были самыми сытными в СССР. Во всяком

случае, таковыми они, без сомнения, являлись для ближнего к Снежногорску заполярного Норильска, для энергоснабжения которого, собственно, и строилась Хантайская гидростанция. Здесь магазинные прилавки буквально ломились от товаров, ничуть не уступая столличным. Зимой, в разгар полярной ночи, на них переливались летними цветами апельсины, мандарины, ананасы, бананы, яблоки... мясо, включая оленину (на любителя), десятка два наименований колбас отменного качества... свежие овощи... всяческие консервы, но более всего — болгарские и венгерские. И вина из этих же стран. Из-за оригинальной тары — пузатой бутылки в плетёнке — особенно запомнилось красное вино «Гымза», а по вкусу — светлое «Старый замок»... О рыбе не говорю: вкуснее северной рыбы ничего не бывает...

Хантайка, неширокая, с кристально чистой водой (прозрачнее разве что байкальская) река, в месте строительства будущей гидростанции разрезала горный кряж (на одном плече которого и строился посёлок), прорываясь здесь через узкую горловину, собираясь и замедляя течение перед ней и разливаясь более чем километровым зеркалом ниже.

До плотины (которая потом перекрыла реку и создала вверху водохранилище с затопленной тайгой) было ещё далеко, и можно было спуститься к громкому порогу и рыбачить. Выше бурунов — хариуса и тайменя. Ниже — тайменя и сига. Предпочитали же либо настоящему — тайменя, либо, как мы, пацаны, добычливо — хариуса.

Сентябрь за полярным кругом — преддверие зимы. Рыбалка — как правило, поход на день на холодном ветру, поэтому экипировка серьёзная: телогрейка или тёплая куртка, утеплённые сапоги с мехом внутри или обычные кирзовые, но с тёплыми носками или портянками, под штанами — кальсоны или трико, широко распространённая в то время домашняя одежда. За плечами — рюкзак, в котором мешок под рыбу и обед: буханка хлеба и банка сгущёнки, с хантайской водой она вкусна и сытна. На поясе — обязательно охотничий нож.

Снасть — наособицу от всех, что приходилось видеть и до, и после: конструкция из лёгких планок, похожая на простейшие игрушечные санки — два полоза и две перекладки. Наживка тоже хитрая: мушки-крючки, обмотанные цветными нитками-мулине, — тельце, имитация крылышек — волосинки. Чаще всего из собственного чуба. Толстая леска-миллиметровка, пропущенная в два отверстия в одном полозе, завязана треугольником так, чтобы под натяжением «саночки» стремились убежать на середину реки, а леска их удерживала. Недалеко от них на леске свисают поводки с мушками — три-четыре. Но можно и до десятка, если рыбы не так много и нужен широкий захват.

«Саночки» стремятся убежать к середине реки, но, ведомые рыбаком, скользят против течения, мушки подпрыгивают и заманивают...

Сильная рыба — хариус: удар, рывок, леска со звоном идёт вниз, и тут главное, наклонившись, быстренько подтаскивать «саночки», одновременно стремительно приближаясь к ним по берегу. Наклонившись, чтобы не дать возможности хариусу делать «свечи» — выпрыгивать вертикально. На «свечах» он избавляется от крючка...

Так неторопливо, против течения, поворот за поворотом, идёшь один по каменистому берегу. Как в популярной тогда песне: «За поворотом уж нету карты, а мы идём по абрису...»

Вдвоём рыбачить неинтересно: идти за первыми «санями» невыгодно, и если рыбачим вдвоём, то один обязательно уходит за километр, а то и больше вперёд, и второй его нагоняет. Река извилиста, и, как правило, рыбаки друг друга не видят до самого конца, до обеденной встречи. День уже короткий. Дневной неспешный маршрут — в среднем километров пять-семь... Но этого вполне хватает, чтобы наловить полрюкзачка. Хариус не мелкий, в среднем с полкилограмма, и пара десятков весомо давит плечи...

Иногда затевались длинные маршруты, до устья впадающего притока Хантайки — Кулюмбэ. Тогда и двигались побыстрее, меньше останавливались на перекатах, и к привычному весу добавлялись ружьё и патронташ... Ружьё при подтаскивании «санок» приходилось скидывать с плеча на камни, и это отвлечение порой стоило сорвавшейся рыбы. Перекинутое же за спину, оно сковывало движения. Но оно же придавало уверенности... Хотя за все походы мне ни разу не понадобилось.

Такая рыбалка — это одиночество. Даже твоего единоборства с рыбой никто не видит. Только шумящая вода и береговые камни... И чувство неиссякаемого, языческого восторга от всего, что тебя окружает. От серого неба. От режущего ветра. От голых камней. От упругой рыбины. От сладкой сгущёнки и студёной воды... Хочешь поговорить — говори с ними или сам с собой... Хочешь выплеснуть эмоции — не стесняйся, делись со всем окружающим...

Ловили хариуса и на обычную удочку: длинное удилище, леска и мушка на конце, бросил — потянул, бросил — потянул... Но такой способ был менее эффективен и устраивал только рыбаков, не желающих набивать ноги на береговых уступах. Как правило, на удочку мужики ловили ради интереса, не отходя от порога.

Была ещё одна рыбалка на Хантайке, абсолютно спокойная, а потому не очень интересная. Это привычное и знакомое большинству рыбаков сидение над донными удочками. На них ловился сиг. И ловить его нужно было ниже порога, в заводях или на не очень быстром течении. Брал он довольно уверенно. А размером несколько уступал хариусу, хотя попадались и отменные экземпляры.

Хариус великолепно шёл на засолку. Но он, как и сиг, не считался серьёзным трофеем, и взрослые настоящие рыбаки предпочитали

промышлять либо тайменя, либо нельму — рыб больших и сильных, которые могли и снасти порвать, и руки побить вырвавшейся катушкой... Единственного в своей жизни тайменя я поймал на том же Хантайском пороге на «мышку» — деревяшку, обтянутую шкуркой, с огромным тройником на конце. Он был небольшим, около семи килограмм, но боролся я с ним минут сорок, то подтягивая к берегу, то отпуская, не в силах преодолеть сопротивление... Крупных тайменей в таких случаях обычно добывали из мелкашки...

Снежногорск в те годы — это вольница. Это заповедник свободы. Той самой, что «осознанная необходимость». Пример устройства общества без власти. Нет, власть была, и прежде всего — в лице всемогущего начальника строительства, но ни он, ни существующий партком на каждодневную, за пределами рабочего времени, жизнь не влияли. Отношения с окружающими, как и с природной средой, саморегулировались. Понятие «браконьер» появилось позже, когда посёлок стал насчитывать несколько тысяч населения и рыбы и дичи вокруг поубавилось. Но для меня эти годы жизни стали школой естественного взаимоотношения с природой и остались в памяти как самые свободные от чужого насилия... Позже, когда власть в виде всяческих инспекций пришла и сюда, привыкшие к вольнице мужики буквально косяком потянулись в суды — за привычку охотиться и рыбачить по необходимости и желанию, а не по разрешению...

Лодка в посёлке была гораздо важнее и престижнее иного вида транспорта. В личных автомашинах (которые вполне позволяли приобрести северный заработок и выделяемые квоты), при наличии трёх коротких улиц в посёлке и дороги на взлётную полосу в семи километрах от него, нужды не было. Ради «проехать с ветерком» дядька одним из первых в посёлке купил мотоцикл «Урал» с коляской, который востребовался, лишь когда весёлая компания нуждалась в скоростных ощущениях... Тогда мотоцикл добавлял своё тарахтенье в мощное рычание БелАЗов и рокот КраЗов...

Лодка и мотор «Вихрь», а то и два (спаренка), — вот что было и необходимо, и престижно. И в короткое заполярное лето самые азартные и жаждущие приключений уже на третий год перестали считать ближний порог удачливым и стали уезжать за тайменем, как самой интересной добычей, за второй, третий и даже четвёртый пороги, которые находились за несколько десятков километров вверх по течению. И нередко, бахвалясь и силой мотора, и лодкой, и собственным фартом, пытались пройти их, и особенно самый сложный — четвёртый. Кое-кому удалось, а кое-кого с трудом вылавливали из холодной реки... Или не вылавливали — случалось и такое...

Была ещё зимняя рыбалка, но мне не довелось побывать на ней, одной из самых северных в мире. Ею в Снежногорске

увлеклись, когда образовалось Хантайское водохранилище. Я в это время жил и учился в славном городе Иркутске...

Каботажное плавание

По окончании девятого класса родители решили подарить нам недалёкое, но весьма экзотическое путешествие. Зимой управление строительства приобрело для собственных нужд катер. Нужды заключались в том, чтобы делать замеры глубины Хантайки по судоходному фарватеру и иногда перетаскивать баржи, доставляемые енисейскими буксирами из Игарки. Без него вполне можно было обойтись некоторое время, и вместо пионерского и прочих лагерей, в связи с отсутствием таковых в доступной окрестности, было решено организовать для бесящихся от избытка энергии чад экскурсию по памятным местам, среди которых на первом месте было посещение Игарки, на втором — Курейки с останками некогда знаменитого дома-музея ссылки Сталина, а также Туруханска и Дудинки.

Наш класс был немногочисленным, и мы размещались на катере, не стесняя особо команду, к тому же ночёвки у нас были на берегу, а всё путешествие заняло две недели. Мы побывали в Игарке, пропахшей деревом и покрытой опилками, потоптались в мемориале бывшего вождя народов, загаженном, без окон и дверей, побивали ещё не созревшие шишки с самых северных кедров на берегах Курейки, в Туруханске побегали светлыми ночами от самых злых и крупных комаров, от которых даже «Дэта» (по тем временам самое эффективное средство) не спасала, нагляделись и наслушались в Дудинке иностранцев, матросов, посещавших недоступный местным валютный портовый клуб-ресторан.

Была вторая половина июля, вершина северного лета, когда температура поднимается до тридцати, а то и выше, градусов. Северное тепло — не южная приятная истома, солнечные лучи здесь злы и горячи (как и положено им быть в разреженном воздухе), не побережешься — немудрено и солнечный удар получить. Но лета хочется, хоть короткого, но, как и положено, с загаром, купанием...

В Снежногорске мы купались в озерце, образовавшемся на дне карьера. В жаркие дни вода в нём прогревалась неплохо, и две недели лета мы практически проводили на его берегах без перерыва на обед. В Хантайке плавали только самые отважные или толстокожие. В Енисее возле Игарки купаться было можно. Во всяком случае, зайти в реку и несколько метров проплыть удавалось даже мне, имевшему далеко не мощную жировую прослойку. Особым шиком было понырять с катера, и, не обращая внимания на ворчание капитана, мы взбегали по деревянному трапу, шлёпали по горячей палубе и с ходу бросались в чуть прогретую реку...

Но это в жаркий полдень. А ближе к вечеру и светлыми ночами, помимо гуляний с местными девчонками и с одноклассницами, мы пытались ловить рыбу в Енисее.

Енисей здесь, в нижнем течении, был широким, на противоположном берегу человека без бинокля не разглядишь. По нему ходили морские огромные суда, вывозившие из Игарки лес, из Дудинки — продукцию Норильского горно-металлургического комбината и завозившие грузы для многотысячного заполярного города и его спутников. Сновали и мелкие речные судёнышки, занятые той же разметкой фарватера и перетаскиванием барж. И рыбацкие катера. Но не так много — рыба не была столь важным товаром, как лес или металл.

Енисей здесь, у полярного круга, уже считался началом Большой земли, «материка». Той самой землёй обетованной каждого заполярника. «Материк» — это долгое лето, фрукты и море... Это домики в родительской деревне или квартира в мегаполисе. Или же ничего, но когда придёт пенсионный возраст — обязательно будет какая-нибудь крыша над головой там, где всегда тепло...

На «материке» — другой жизненный ритм. Другие, для давно живущих на Севере непривычные и порой неприемлемые, правила игры. И отторженность от вот такой заповедной природы... Енисей с его снующими судами, деловыми и праздными, с точки зрения северянина — из той, «материковой», суетной жизни... Особенно это ощущается, когда проплывает вдоль покрытых тайгой берегов туристический многопалубный теплоход. Его белый парадный вид и обязательная музыка, далеко разносящаяся над водой, вносят в рутинную обыденность редких населённых пунктов незапланированную праздничность.

Есть и прагматическая сторона этого события: к пароходу устремляются от берегов лодки для традиционного бартера — солёная или свежая рыба меняется на водку. Водка — это то, что на Севере никогда лишним не бывает. В Снежногорске в тот год в ходу был спирт. Особой доблестью считалось пить его неразбавленным. От него «горели». Говорят, что даже синий огонь виден изо рта у сгоревшего. Я не видел, хотя по возвращении из этого путешествия попал на поминки: «сгорел» отец моего одноклассника.

Работа, рыбалка, охота, застолье — четыре стороны мужской жизни в Заполярье. Некоторым, правда, хватало двух — работы и застолья...

У пацанов на Енисее из всех интересов на первом месте была рыбалка. Самую примитивную снасть (помимо удочки), которая была распространена среди местных, я освоил и даже выловил несколько сигов и вполне приличных окуней. Этой снастью была закидушка. Простейшая, представляющая из себя чаще всего шнур (в связи с дефицитом лески), не очень большую гайку, которая великолепно закидывается, не сносится течением и довольно легко

вытаскивается, и несколько поводков с крючками. Лучше — три-четыре, чтобы при забросе не могли перепутаться.

Местные мужики и в Игарке, и на Курейке, и в Туруханске промышляли с лодок рыбу крупную, способную прокормить и зимой: нельму, хариуса, крупного сига, тайменя и налима, из которого получается вкуснейшая маринованная печень, ничуть не хуже тресковой...

Большой популярностью пользовались перемёты — многометровые шнуры с несколькими десятками крючков и солидным грузом. Они завозились в уловистые места, туда, где были рыбы тропы, растягивались, перекрывая эту самую тропу и подставляя рыбе заманчивую наживку. Перемёты ставились, как правило, на большую рыбу, хищную. Проверялись они раз или два в сутки, отыскиваемые по приметам и вылавливаемые «кошками». Иногда крупная рыба оттаскивала какой-нибудь конец перемёта в сторону, поиски становились длительными, но в конечном итоге и такой перемёт, вместе с обессиленной рыбиной, находился.

И всё же, сознаюсь, это плавание больше запомнилось не рыбалкой. Запомнилось оно пьянящей свободой, в которой были и азартное и рискованное купание, и первые симпатии и переживания, и долгие гуляния по ночным светлым берегам Енисея, и быстрые поцелуи. Запомнилось жаркими не по-северному днями, длинными песчаными енисейскими косами, ядрёным хвойным запахом прогретой тайги и даже надоедливými и на удивление крупными комарами, не дающими уснуть, когда, казалось, уже не осталось никаких сил...

Эти дни мы были отрезаны от посёлка, родителей, на катере рации не было, и капитан лишь сообщал из населённых пунктов, где мы находились, что всё в порядке. Никто не вмешивался в наше бытие. Кроме самого естественного и неоспоримого — среды, в который мы находились...

Славное море

После первого курса студенты геологоразведочного факультета Иркутского политехнического института проходили общую практику в прибайкальских степях, а полевую, в течение десяти дней, — непосредственно на берегу Байкала, в местечке, называемом Улан-Нур. Это выжженное солнцем и продутое ветрами место с небольшим, но уютным заливчиком, похожим на южные пляжи, если забыть о холодной байкальской воде и поверить лишь жаркому солнцу.

Жили мы в палатках, готовили на костре привезённые концентраты и то, что удавалось добыть в Байкале. Вечерами подолгу сидели у огня, сжигая привезённые дрова (вокруг не было ни дерева), и пели под гитару. Было довольно скучновато по той причине, что эти десять дней в Улан-Нуре мы практиковались лишь своей

группой, а в ней, в силу специфики профессии (техника и технология разведки нефтяных месторождений. «Очень перспективная профессия», — убеждали на приёмной комиссии парней, поступавших на иные специальности, но в ней отсутствовала романтика геологоразведки, которая, собственно, в те годы и привлекала абитуриентов. Но как члены приёмной комиссии оказались правы насчёт перспективности и денежности...), были одни мужики.

Это было время, когда романтика освоения Сибири начала угасать, но часть молодёжи продолжала ещё грезить таёжными тропами, открытиями... Удачным считалось распределение не на денежную должность, а на «передний край»: в поисковую экспедицию, в неизведанное место, в дальнюю геологическую партию. Это была эпоха романтических ухаживаний, гитарных переборов и голоса Высоцкого: «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так...»

Практика заключалась в том, что целыми днями под палящим солнцем (отчего мы все загорели так, как я никогда ни до, ни после не загорал) бродили по выжженной степи, обстукивая выданными нам геологическими молотками скальные обнажения и пытались найти в них хотя бы что-нибудь ценное или необычное. Но в связи с тем, что мы не были первыми, никаких неожиданных открытий, естественно, не произошло.

Но зато перед нами каждый день простирался Байкал.

(Удивительное море. Я бывал потом на нём в разные времена года и убедился, что Байкал каждый день новый... Каждый восход и закат оригинален и неповторим... Даже в пасмурные дни, одинаковые до безликости, цвет и состояние моря разнятся...)

По утрам мы сбегали по набитой тропинке от палаток на галечный берег, а затем на узкую полоску песчаного пляжа и, в зависимости от холодостойкости, либо просто ополаскивались (как преподаватели), либо вбегали в воду и тут же, словно ошпаренные (и на самом деле — тело горело), выскакивали на берег (как я), либо (а среди нас было двое «моржей») вполне спокойно, не суетясь, заплывали на приличное расстояние от берега и, не очень обращая внимания на призывы и руководителя практики, и наши, не торопились возвращаться. Эти двое как-то на спор решили проплыть от мыска до мыска, во всю длину залива (километра полтора), и даже поплыли, но общими возгласами с берега были сняты с дистанции где-то на трети пути...

Не в силах сопротивляться романтическому влечению к однокурснице из группы будущих разведчиков месторождений, в последний день практики я не вернулся вместе со всеми на базу, а под жгучим солнцем отмахал десяток километров с гаком до залива Мухор, где в живописнейшей и уютной небольшой бухте напротив южной оконечности острова Ольхон проходили практики настоящие геологи. И здесь, в уникальной по климатическим

условиям лагуны, накупался вволю, вода в заливе прогревалась так же, как если не на Чёрном, то уж на Балтийском море точно...

Но это к рыбалке отношения совсем не имеет.

А рыбачить на Байкале мне довелось два раза.

Первый — тем самым жарким летом семидесятого года. Руководитель практики, выезжавший на это место не первый раз, захватил с собой спиннинг, настроенный на хариуса. Более нигде мне не приходилось такой снастью пользоваться из-за отсутствия какого-либо из двух взаимосвязанных условий: наличия большого спокойного водоёма и хариуса или же рыбы, берущей приманку с поверхности...

Эта снасть выглядела так: обычный спиннинг, но желательное удище подлиннее, леска прочная, но не обязательно слишком, ибо байкальский хариус невелик (если судить по тому, что пришлось ловить). К леске привязывается нечто, похожее формой на грушу или же на конус, размером в десяток сантиметров, из плавающего материала (той же пробки из спасательного пояса), в котором или залит свинец, или иным способом вделана тяжёлая сердцевина. Если бросить эту «грушу» в воду, она превращается в поплавок с торчащей над поверхностью остроконечной частью. От острого конца по леске на не очень большом расстоянии и, естественно, на коротких поводках, чтобы можно было забросить спиннинг, привязываются две-три мушки.

Делаешь заброс и медленно подтягиваешь к себе этот груз-поплавок, который при движении приподымается над водой, мушки всплывают, бороздят поверхность, и хариус реагирует...

На всю нашу команду азартных рыбаков оказалось двое. Мы распределили время: один день я утром иду рыбачить, мой коллега — вечером, другой — наоборот, — и в течение недели вполне успешно налавливали хариуса и на хорошую уху, и на приготовление настоящего лакомства — рыбы на рожне. Этот способ я тогда впервые узнал и потом не столь часто, но лакомился деликатесом. Блюдо сверхпросто в приготовлении: чешуя не чистится, выбрасываются лишь внутренности, делается надрез по бокам (если рыба крупная, то парочка), куда втирается соль. Затем рыба насаживается на заострённые палочки — своеобразные шампуры, и те втыкаются возле костра на таком расстоянии, пока жар терпит рука. Периодически поворачиваешь томящиеся таким образом тушки до румяной готовности. Когда рыба готова, шкурка легко отделяется, и получаешь доступ к аппетитному, запашистому кушанью, вкус которого не изменён никаким маслом...

Вторая моя байкальская рыбалка — вернее, попытка, — состоялась спустя пять лет, когда после окончания института втроем мы решили пройти по старой байкальской железной дороге, построенной в начале двадцатого века горными инженерами, нашими предтечами (я получил диплом горного инженера), и каторжанами

и избыточной тоннелями... Уже при советской власти дорогу спрямили, и это, в шесть десятков вёрст, железное полотно оказалось ненужным, как и посёлки по его сторонам, в которых теперь дожили те, кто либо ещё помнил, либо знал по рассказам иную жизнь...

Это уникальные и красивые места с многоцветной растительностью по распадкам, с бухточками, заливчиками и мысочками, с густыми запахами тайги и Байкала — хвои и воды...

Попали мы на не по-летнему холодную неделю, что случается в июне в тех местах, когда зацветает черёмуха. Затянули это маленькое путешествие с целью и отдохнуть, и поднабраться впечатлений, потому что все трое потихоньку писали либо стихи, либо прозу, либо в газеты и вот по пути иногда пытались ловить то, что видит око, да зуб неймёт... Эта поговорка вполне характеризует наши попытки.

Представьте отвесный скалистый берег Байкала. Метрах в пяти ниже начинается водная гладь и дальше в прозрачной воде, совсем недалеко (мы как-то промерили леской, получилось восемнадцать метров), такое же скальное дно. И над ним, если нет ряби, видна лениво перемещающаяся вполне приличная рыба, бродящая то стайками, то в одиночку. Вообразите ещё и волнение рыбака от такой картины во время ювелирной подводки крючка с червячком под самый нос рыбины, которая вместо того, чтобы броситься на наживку, неспешно отворачивается...

Помнится, мы просидели так несколько часов над неторопливой и не уходящей никуда стайкой не знаю даже какой рыбы, но, увы, все наши подводки и попытки соблазнить ни к чему ни привели...

И тем не менее это было прекрасное путешествие, потому что, помимо встреч с местными жителями, их историй, ставших основой и рассказов, и очерков, было самое главное — свидание с незабываемыми байкальскими закатами и рассветами.

Щучье лето

С тысяча девятьсот семидесятого года в советский обиход начало входить слово «достать». В расписании магазинов появились «мясные» и «колбасные» дни, когда продавались мясо и колбаса, которых в остальные дни на прилавках не было, в столовых — «рыбный» день, четверг. Возникли очереди. Я квартировал у стариков-пенсионеров, обедал обычно в институтской столовой, а вот на ужин что-нибудь покупал в магазине и исчезновение колбасы остро ощущал. К стипендии в тридцать пять рублей родители ежемесячно высылали мне сто рублей, и в принципе на этот тогдашний оклад хорошего специалиста (после института ставка инженера была сто десять рублей) жить было можно. Но всё-таки не очень роскошно. Во всяком случае, прибрахлиться было проблематично.

Отчасти поэтому производственные практики были сезонным долгожданным для всех одноклассников без исключения. Для нас, будущих геологов, они были равнозначной заменой строительным отрядам, мода на которые росла с каждым годом. Желавших отдохнуть летом были единицы. В студенческие строительные отряды запись начиналась с зимы, и в лучшие (а, как правило, они же были и самыми наваристыми по заработку) набирали по конкурсу. Или по связям. Стимул был не только материальный: особо отличившихся в отрядах даже награждали медалями, не говоря уж о всяческих знаках и грамотах Центрального комитета Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи, продвигали по комсомольской, партийной и административной линиям...

Мы лишены были поощрительности моральной (разве что получали оценку за практику), но зато работали в бригадах на ставке помощника бурильщика третьего или даже четвёртого разряда. И это была возможность неплохо заработать. «Пахать», правда, приходилось порой до обмороков. Во всяком случае, оные со мной случались, когда работал верховым на буровой, где заездка длилась четыре дня, а смены — восемь через восемь часов — выматывали до предела. К тому же работа была очень тяжёлая физически: брать «на пупок» двухсоткилограммовые «свечи» (буровые трубы) в течение всей смены... Мечтой любого верхового было долгое бурение, но так получилось, что обе мои практики проходили на буровых со сложными геологическими условиями, и бурение занимало от силы час. Дальше долота не выдерживали...

Но практики давали нам деньги, и неплохие по тем временам, и мы практиковались как можно дольше, выкраивая для отдыха перед институтом неделю или две от силы...

Летом семьдесят второго года практику я проходил в Братском районе Иркутской области. Буровая стояла на самом берегу водохранилища, покрытом жёлтым крупным песком. Бурение скважин в Восточной Сибири существенно отличалось от уже гремевшего Самотлора тем, что нефть здесь пряталась за прочными породами, и многометровые проходки тюменских нефтяников казались нам просто фантастикой. Здесь на пластовом горизонте на долото проходка составляла не более двух метров, а глубины были в два раза больше. По этим причинам буровая стояла на одном месте не меньше года, и бригада успевала её обжить. На каждой обязательно были общие рыболовные снасти, включая сети (если рядом находился водоём), и общее ружьё, с которым можно было поохотиться и на боровую дичь, и даже на что-либо существеннее. Так, на этой моей первой буровой мужики завалили сохатого, и мы день варили в вёдрах мясо и несколько дней потом ели...

Буровая — это маленький хуторок со своим хозяйством. Бывало, что и корову на ней держат. На этой же были лодка и, так как желающих в свободное время порыбачить было много, пара плотов. Водохранилище в этом месте было не очищено перед затоплением, покрыто гниющими на корню деревьями. Оно заходило языками в распадки, и в округе в невероятном количестве водился рыбий хищник — окунь и щука.

В один из тёплых и тихих июльских дней, которых выпадает в этих местах не так много, я видел, как загорает окунь... Предзакатная гладкая поверхность воды вдруг покрывается чёрненькими бугорками, превращаясь в этакий пупырчатый ковёр... Я бросал спиннинг с плота, когда впервые увидел это, и сразу не понял, что происходит, и только когда стал подплывать к ближайшим бугоркам, разглядел неторопливо уходящих в глубину при приближении плота окуньков, с ладонь и больше... Все мои попытки поймать хоть одного из этого обилия так и не увенчались успехом: вечно голодный хищник в такие минуты не замечал ни блесну, ни живую рыбёшку...

В короткие перерывы между сменами особо не порыбачишь, поэтому я остался на буровой на свои выходные дни и, воспользовавшись лодкой, объехал близлежащие заводы. Надо сказать, они производили удручающее впечатление: над поверхностью торчали верхушки ещё не погибших деревьев, ощущался запах гнили. В бурой воде было предостаточно и невидимых стволов, корней, веток, лодка то и дело натывалась на них, да и блёсен я пооставлял немало, но тем не менее каждый день был с уловом, и неплохим. Во всяком случае, от лодки к кухне носить мне рыбу помогали. И самая крупная щука, которую я тогда выловил, была почти с меня ростом, за полтора метра, и она долго таскала лодку по заводу, и если бы я не успел вовремя вместо руки подставить под режущую леску лодочную уключину — не знаю, смог бы её удержать или нет. В лодку тогда я её даже не пытался поднять, так и буксировал вдоль берега до буровой, где мужики помогли вытащить её на сушу, причём оказалось это не так просто, и смельчак искупался, прежде чем сумел подхватить её под жабры. А не сорвалась она лишь потому, что блесна прочно сидела в глотке, и достать её мы смогли, только вырезав...

...Технику спиннинговой охоты я освоил подростком на Западной Двине и на окрестных лесных озёрах Смоленщины. Одну такую поездку я помню очень хорошо. Это был знойный июль, мы ехали на дрезине, потом шли по густому лесу, наконец вышли к мощным, в два обхвата взрослого мужика, дубам, за которыми и открылось небольшое круглое озеро с чёрной от торфяника водой. На нём уже был плотик, сооружённый предыдущими рыбаками, и мы курсировали вдоль заросшего лилиями и кувшинками, из-под которых и вылетали на призывную игру блесны щуки, берега.

И было жарко, и злые, кусучие-кусучие оводы... А спиннинг был у меня самодельный, с коротким удилищем и тогда популярной ленинградской катушкой. Естественно, инерционной... Иных в то время ещё не было.

Единожды ловил на узкой безымянной речушке возле авто-страды между Москвой и Тверью, когда и спиннинг не был нужен — длинного удилища и куска лески такого же размера вполне хватало, чтобы добросить до противоположного берега. Но на этой речушке щучат было видимо-невидимо, потому что буквально каждый заброс заканчивался поклёвкой...

Но более таких щук, как тогда на Братском водохранилище, ловить не пришлось...

Таёжные круги

На преддипломную практику я вновь поехал в Братский район. На этот раз меня направили на буровую, расположенную среди тайги. Если на предыдущую скважину бригаду доставляли вертолётom, а всё необходимое — баржами по водохранилищу, то на эту, таёжную, была пробита дорога, по которой вахтовый автобус привозил рабочих, а тягачи доставляли всё необходимое.

Буровая стояла на возвышенности, а весь городок вагончиков — в безопасном (на случай пожара или аварии) отдалении, прижатый к густой тайге. Километрах в трёх в распадке текла речка, но совсем маленькая и безрыбная. Возле неё держались рябчики, и, позаимствовав мелкашку, я пару раз поохотился на них — правда, безрезультатно, убедившись, что снайпера из меня не получится.

Недалеко от дороги, по которой нас возили, протекала Ангара. Её сверкающий и манящий изгиб в одном месте был совсем рядом, и однажды после заездки мы с местным парнем, страстным рыбаком, решили не ехать в посёлок, а вдоволь порыбачить на настоящей реке. На автобусе, увозившем бригаду на отдых, доехали до перевала, с которого была видна Ангара, пообещали мужикам по возвращении рыбки и остались одни.

Было предвечернее время, солнце ещё стояло высоко над тайгой, река отблескивала совсем рядом; мы прикинули расстояние — километра три, не больше, — и решительно двинули вниз по склону...

Местами пришлось пробираться сквозь буреломы и даже обходить неожиданную топь; наконец — вот он, предбереговой подъём, сейчас раскинется ожидаемый простор, и мы ещё успеем что-нибудь поймать на уху...

Подъём закончился. И перед нами — жёлтая глинистая лента дороги, по которой мы недавно ехали, и совсем недалеко, несколько десятков метров выше по ней, — место, где высадились...

Глянули на солнце, на Ангару, близкую, как и прежде, и вновь начали спускаться...

На этот раз мы вышли чуть дальше от места первого нашего возвращения...

И тогда в третий раз, уже уставшие, ошарашенные, но ещё не потерявшие надежду и посчитавшие, что и во второй раз сделали круг из-за топи, мы вновь углубились в тайгу. На этот раз старались держаться строго прямого маршрута, к тому же топь теперь явно осталась в стороне, мы на неё даже не вышли. И вновь подъём, последний рывок... Дорога... И почти та же точка, с которой мы стартовали...

До сих пор я не нашёл объяснения тогдашнему нашему кружению, но помню растерянность и оторопь. Мы даже не рискнули переночевать в тайге, а тут же, на обочине, разложили костерок, поужинали тушёнкой, а потом, развернув кусок толя, выпавший из какой-то машины, расположились на ночлег.

Ночью погода испортилась, стал накрапывать дождик, и нам пришлось перед утром этим куском толя укрываться. А на рассвете, не выспавшиеся и напрочь утратившие уверенность, мы посозерцали заманчивую близкую водную гладь и решили вернуться назад по дороге, где километрах в трёх от места нашего ночлега отходила в сторону реки до бывшей леспромхозовской делянки (как нам объясняли накануне мужики) просека, по которой километров через десять должен быть приток Ангары, а там уж по нему и до самой реки рукой подать...

К тому времени, как мы дошли до просеки, дождик закончился, выглянуло солнце, и начало довольно ощутимо пригревать. Идти по просеке оказалась нелегко: она заросла кустарником, во многих местах была перегорожена завалами,— и к её концу, упирающемуся в речушку (тот самый приток Ангары, о котором нам говорили), мы пришли уже далеко за полдень, изрядно уставшие, покусанные оводами и комарами и очень голодные. Но здесь нас ждал и неожиданный подарок в виде вагончика, который, несмотря на свой изрядно потрёпанный вид, вполне мог быть пристанищем на оставшиеся пару ночей.

Мы нашли в этом вагончике и прохладу, и хоть какую-то защиту от насекомых, но первым делом залезли в неглубокую ямку в речке и искупались в холодной воде, смывая пот, усталость, и лишь потом быстренько соорудили маленький костерок, заварили крепкого чая, попили его вдоволь с буханкой хлеба — нашим дневным рационом — и, настроив удочки из тут же вырезанных кустов, заторопились по речушке, я — вниз, напарник — вверх, надеясь успеть до вечера наловить на уху. И наши ожидания оправдались в полной мере: практически под каждым камнем, с каждым забросом на мушку неистово нападал хариус. Был он, правда, некрупный, грамм до трёхсот, но большего пока и не хотелось.

В ловле хариуса самое интересное — это вот такое маленькое путешествие по быстрой речке, когда проходишь перекат за перекатом, омытинку за омытинкой, и каждый раз — ожидание всплеска, рывка, сопротивления... На этот раз наши примитивные удочки — четырёхметровый прут и кусок лески с мушкой на конце — вполне соответствовали речке, позволяя делать забросы в самых неудобных местах...

К спустившейся темноте я отошёл от вагончика не очень далеко, с полкилометра, а в рюкзаке за плечами уже чувствовался вес. Напарник вернулся раньше, костёр уже горел; поймал он почти столько же, но у него хариус был мельче — может быть, оттого, что обитал выше по речке.

Мы быстренько почистили рыбу, бросили пару картофелин и забили котелок хариусом так, что уха скорее напоминала рыбный гуляш. И он был чертовски вкусен. Наевшись, откинувшись возле затухающего костра и лениво отмахиваясь от комаров, мы наконец-то расслабились и предались неспешному разговору, нет-нет да и вспоминая наши вчерашние попытки выйти напрямую к Ангаре, и, наконец, сделали вывод, что не иначе, как нас кто-то водил...

На утро следующего, нашего последнего рыбацкого дня мы решили по речке спуститься к Ангаре. В один рюкзак положили сухой обед в виде буханки хлеба и последней банки тушёнки, второй, с телогрейками и несколькими картофелинами, оставили в вагончике и, не теряя времени на попутную ловлю, по еле приметной тропе пошли вдоль берега.

До Ангары оказалось не так уж и далеко — километра четыре. Наконец действительно перед нами распахнулся водный простор. Ангара была в этом месте довольно широка, зажата скалистыми берегами, покрытыми густой тайгой. Вниз по течению узкая полоса берегового галечника скоро упиралась в отвесную скалу, которая закрывала от нас то, что было за ней. В другую сторону доступный берег тянулся довольно далеко, но зато и перекатов там было меньше, а значит, и меньше вероятности поймать хариуса.

Я достал из рюкзака заготовки для «санок», которые сделал ещё на буровой и которыми уже не надеялся воспользоваться, собрал их, торопясь, пошёл к бурунам возле скалы, а напарник, сказав, что предпочитает другую рыбалку, разделся до трусов и забрёл в устье речки.

...Через пару часов я понял, что от добра добра не ищут: большая Ангара не оправдала моих надежд, я поймал всего пару хариусов практически той же величины, что и в речке. Решил, что не стоит терять времени, вытащил «санки», вернулся к устью.

Мой напарник загорал на выглаженном ветрами до матовости валуне. Пояснил, что его рыба ещё гуляет, но своё он всё-таки добудет, и, пока я делал удочку, вновь зашёл в воду...

Так я впервые наяву увидел, как добывали рыбу тогда, когда вообще не было ещё никаких снастей...

Постепенно синевя от холодной воды, он безбоязненно шарил руками под камнями и наконец замер, вода подбородком над поверхностью и периодически пофыркивая, заёрзал телом и вдруг резко дёрнулся, выпрямился, вскидывая в руках чёрную большую рыбину... И с размаху швырнул её на берег в мою сторону... Это был килограмма на два налим...

Много лет спустя я видел, как вот так же, шаря под камнями, пацаны ловили голавлей и на Кавказе, в быстрой и тёплой речке Пшиш. Но, пожалуй, более всего удивился, когда на Лысом лимане в Приманычской степи Ставрополья увидел мужиков, ныряющих с лодки и добывающих вполне приличных сазанов. А доставали они их руками из ямок в глинистом дне, в которых сазан имеет обыкновение стоять... Таким способом, нетрадиционным ныне и вполне традиционным века назад, рыбаки за день добывали ничуть не меньше самых удачливых «макушечников»...

Выбравшись вслед за налимом на берег, трясаясь от холода, мой напарник сказал, что среди валунов от него в первый раз сбегала ещё парочка таких, а то и больше, рыб и он не хочет их оставлять и, погревшись, всё-таки их достанет и нагонит меня. А я сказал, что торопиться не собираюсь, по пути буду облавливать перекаты, и отправился вверх по речушке...

Когда он нагнал меня, рюкзак за моими плечами потяжелел ощутимо, да и он своего добился: на ветке через плечо нёс трёх несравнимо больших, чем мои хариусы, налимов.

...Ночью начался дождь, и под его мерный стук мы проснулись утром, перекусили остатками вчерашней ухи, решили, что нет смысла на пару часов выходить под дождь рыбачить, и, неторопливо собрав рюкзаки, раздевшись, чтобы напрасно не мочить одежду, под всё таким же мерным дождём отправились в обратный путь...

Автобус с вахтой нам пришлось немного подождать, но зато парочка налимов и с десяток килограмм присоленного хариуса вполне удовлетворили ожидавших рыбки мужиков, и мы могли считать, что рыбалка вполне удалась...

Чары Селигера

Моя первая поездка на Селигер случилась в далёком детстве, когда мы ездили в Осташков всей семьёй в гости к дальней родственнице. Она уже была пенсионеркой и подрабатывала в местном драматическом театре контролёром. Я там впервые побывал в театре, смотрел арбузовскую «Таню», и этот спектакль потряс меня тогда и запомнился на всю жизнь. А ещё мне запомнились

вода в три стороны с зависшей пеленой тумана, густой запах сырой рыбы, золотистое обилие камышей и хрустящие снетки — мелкая сушёная рыбёшка, мешочек с которыми мы и повезли обратно как самый главный осташковский сувенир...

Вторая поездка состоялась значительно позже. Я окончил институт, родители взяли длинный, в три месяца, северный отпуск, на Смоленщине мы расконсервировали машину и своим ходом направились в северные края, через исток Волги к Селигеру.

Было самое начало того периода, который позднее окрестят «застоем». На «материке» он уже знаменовался длинными очередями в любых магазинах и подмосковными «колбасными» электричками, но на северных стройках пока были и продукты, и товары, и хорошие заработки. Кроме того, можно было приобрести по льготной очереди (было и такое понятие) автомобиль. Одним словом, ни родители, ни их знакомые и друзья на жизнь не жаловались, отдыхали на море или за границей и деньги имели. Для наших «материковских» родственников отпуск «северян» был длительным праздником, когда можно было наконец-то хоть ненадолго прикоснуться к иной, сытной жизни...

Стояло лето, не очень жаркое, как и положено в средней полосе России, отчего путешествие было неуютным. Мы останавливались где заблагорассудится, натягивали палатку, разжигали примус и, если рядом оказывался водоём, обязательно пытались что-либо поймать. (На той же самой начальной и быстрой Волге, к примеру, поймать мне ничего не удалось... Хотя, говорят, ельца вполне можно было...)

Осташкова я не помню, осталось лишь ощущение чего-то очень тихого и классически провинциального. Более всего запомнились лодки на воде, лодки на берегах, водный простор, чайки и острова — острова самой разнообразной формы и размеров. В этом множестве кусочков суши среди бескрайних вод без проводника можно было затеряться навсегда...

Но без проводника мы не выезжали и по другой очевидной причине: у нас не было лодки. Приходилось договариваться то с одним, то с другим соседом, чтобы нас куда-нибудь свозили на рыбалку. Если же не получалось, я шёл к ближайшему берегу и ловил прямо в городе, под гомон множества чаек, научившихся уже добывать пропитание не только на воде, но и у рыбозавода.

Несколько раз нам удалось поплавать по Селигеру. Побывать в заповедных местах, которых, на мой взгляд, там такое множество, что вполне хватит на каждого рыбака страны.

...Рано утром, в зыбкой туманной пелене, которая, как правило, висит над самой водой, лодка не очень быстро огибает остров за островом и наконец носом врежется в камыш. И застывает...

После рокота мотора падает звенящая тишина. Привыкнув к ней, понимаешь, что она здесь властительница.

Туман начинает подыматься вверх, рваться на отдельные клочья, уплывать вдаль, открывая неподвижное зеркало озера. Лодка прихватывается верёвками к камышу или якорится так, чтобы один борт глядел на озеро, и мы рассаживаемся на скамейках. Удочек в запасе много, но лучше всего рыбачить каждому одной, чтобы не мешать друг другу. Говорим скупо и лишь о главном, стараемся не стучать, не качать лодку. Надев на крючок наживку — червячка или тесто, забрасываем либо перед собой, либо под камыш... На гладкой поверхности поплавки — как часовые у московского Мавзолея: ни движения... Но вот качнулся один, легонько, может, от далёкой волны, потом стал медленно уходить под воду...

Подлещик, плотва — самая частая добыча. Никаких хитростей для того, чтобы наловить с ведро рыбы, не нужно. Ни подкормки, ни мудрёных наживок. Главное — встать на уловистое место, на рыбий путь...

Садок наполняется довольно скоро. Практически постоянно одно удище поднято — вытаскивается рыба.

К полудню туман исчезает бесследно, солнце пригревает, и клёв ослабевает. Да и засиделись, хочется размяться. Отвязываемся и едем по пробитому лодками в камыше тоннелю к берегу. Остров не очень большой, но густо покрытый соснами, и дух стоит смолистый, ядрёный. Ковёр из сухих иголок — прекрасное ложе, чтобы добрать недосмотренный утренний сон...

Разводим костёр, на котором варганим быстрюю немудрёную уху. На два-три часа можно сделать перерыв. Нет, клёв есть, но гораздо слабее, чем утром, и на хорошего леща мы уже особо не надеемся, как и на иную крупную рыбу. На того же знаменитого селигерского угря. Но нас вполне устраивает и подлещик, которого тоже совсем не просто поймать.

...После полуденного перерыва, опять же стараясь не шуметь, встаём на своё место, забрасываем удочки. И клёв продолжается такой же, как и утром...

Спокойная и добычливая рыбалка.

Можно, конечно, потягать дорожки, поохотиться на хищную рыбу. Можно выехать на лещиные ямы и половить больших и плоских рыб. Но можно и вот так, как мы, просто получить удовольствие от стабильного клёва на уникальном озере...

Один день мы всё-таки посвятили просто путешествию по недалёким озёрным окрестностям, встречая на своём пути туристические белые парходики и слушая рассказы проводника о тайном монастыре на одном из островов. Об исчезающем острове. О блуждающем, словно «летучий голландец». И о загадочном, на котором

не иначе как делают ракеты, потому что и пароходы там не ходят, а если ненароком рыбак заплывёт, то, откуда ни возмись, катер появляется и в «матюгальник» требует обратиться восвояси...

Но легенды легендами — наверное, в них есть доля правды, а всё-таки главное в этом озере — это сказочность островной страны. В которой ни один остров не повторяет другой, и на каждом — свой запах, своя живность, своя жизнь... И когда уезжаешь, обязательно возникает сожаление о том, что ещё многое и многое не успел увидеть. И не порыбачил в таких местах, о которых остаётся разве что мечтать... До следующего приезда...

Белорусские маршруты

В Бресте и его окрестностях я бывал несколько раз. Там в своё время осел и остался в той земле навсегда мой дядя, самый старший брат матери. И в каждый приезд (кроме разве лишь стремительных, проездом) обязательно мы отправлялись на рыбалку. Хотя бы на самую близкую, на Буг или Муховец, протекающие на территории крепости.

Дядя Саша жил в пятиэтажке, стоящей как раз у старых, не парадных ворот крепости, и практически ежедневно ходил рыбачить. Ловилось по-разному. Порой кому-то везло и на крупную добычу, но чаще всего доставалось «всем сестрам по серьгам» — мелкой и немного...

Брест в годы застоя выгодно отличался от многих подобных городов. Наличие границы пусть и с социалистическим, но всё-таки зарубежьем позволило ему долгое время в период очередей и обнищания оставаться оазисом относительного достатка, коих в тогдашнем Советском Союзе насчитывалось не так много (даже с учётом закрытых номерных городов). Масло и сосиски можно было купить в магазинах, а хорошую рубашку-батник или джинсы — на обширной и известной далеко за пределами даже Белоруссии барахолке. (В период перестройки, в конце восьмидесятых, она стала первым оптовым центром для первых же «челноков» распадающейся супердержавы.)

Территория крепости — прекрасная зона отдыха. Летними вечерами по ней бродят неорганизованные туристы, а на берегах в ожидании над донными снастями (течение быстрое, ничем иным не половишь) замерли местные рыбаки. Они — тоже достопримечательность и объект созерцания для останавливающихся на мостах путешественников. Параллельные интересы, параллельные миры, на краткий миг пересёкшиеся жизни...

Но это обыденная, домашняя и оттого не стимулирующая рыбалка. Иное дело — поездка на рыбные водоёмы...

В мой последний приезд, уже на закате перестройки и восходе соцкапитализма, довелось порыбачить в маленьком озёрке

возле деревни Клеши, километрах в пятидесяти от Бреста, где гостили у знакомых, но эта рыбалка ничем не отличалась от карасиной в любом месте, будь то в ставропольских степях или в Хакасии на Буйволовом озере, что находится между Абаканом и Саяногорском. К тому же и карась оказался мелким, с палец.

Другое дело — наш памятный десант на озеро Свитязь в финал «застойных».

Это было второе семейное путешествие, в котором мы объехали Украину (опять же нынешнюю границу), включая самые западные Львов и Ужгород, где, правда, рыбачить не довелось. (Разве что на Десне, во время остановки на обед, совершенно случайно выловил килограммового усача на закидушку — первую в своей жизни «усатую» рыбу, и оттого не знал, можно её есть или нет.)

В то лето мы встретились в Бресте с другим моим дядькой, который так же, как и родители, жил на Севере и так же, как они, решил это лето провести на колёсах.

Рыбалка была страстью родовой, и Лёнька, сын дяди Саши, да и дядья отказать себе в удовольствии совместной большой рыбалки не могли. После некороткого обсуждения выбрали для однодневного броска не очень близкое, но, по слухам, страшно рыбное озеро Свитязь.

С вечера мы настроили обе машины, снарядили всем необходимым багажники и на утренней зорьке выехали...

На озеро приехали, как и рассчитывали, хоть к позднему, но всё же утреннему клёву. Тянул не очень ласковый, с прохладцей, западный ветерок, подымая невысокую волну на, в общем, не маленьком озере. Мы остановились у ближайших домиков с лодочной привязью, довольно быстро и легко договорились об аренде деревянной и более надёжной в такую погоду, чем наши резиновые, лодки и получили исходные данные о том, что рыба есть всякая, и те же лещи хорошие, и даже угорь, но вот будет или не будет брать сегодня — тут уж неведомо. Хотя вчерась брала...

«Вчерась брала», — как правило, звучит на любом водоёме, где приходилось рыбачить. Но это «вчерась» для рыбака, что комплимент для женщины, надежду пробуждает...

Лодку оттолкнули от берега и поплыли в сторону, указанную лодочным арендодателем как наиболее добычливую. Наконец посчитали, что отплыли достаточно от берега, бросили камень, служивший якорем, и удивились глубине, на которую он ушёл... Метров шесть, не меньше... То-то такая бечёвка длинная к нему была привязана...

Но с такой глубины и ловить надо иначе, чем на мелководье. Удилища поубавили, лишние колена убрали — смысла нет, леску на дно лодки кольцами уложили и с руки опускаем на глубину. Поплавки практически с бортом рядом... Промерили, закинули, ждём...

Ветерок тянет, волна качает, солнышко порой выглядывает — тогда впору и куртку скинуть, а спрячется — зябко, опять натягиваешь...

Наконец — первая поклёвка, крутая, волнующая, леску бегом перебираю... Окунь... Чуть больше пальца... Но всё-таки первая рыбка, есть надежда... Потом подлещик попался, ещё один... Не так часто, но поклёвывает...

Вот что-то существенное зацепилось... Дядя Саша тащит, переживает, Лёнька подхват приготовил, я наблюдаю... Это «что-то» появилось у борта, но мне не разглядеть за ними, вижу только — вроде растерялись рыбаки. Но привычка своё взяла: подхват подвели и вбросили в лодку длинное, извивающееся...

Змея водяная...

Да нет, угорь... И не очень большой, с полметра... Но вот кто крючок отцеплять будет? Без опыта и привычки... Благо сам доизвивался, освободился. И по дну лодки туда-сюда...

Мы ноги подобрали, в борта упёрлись...

Так и просидели полдня. Поймали немного, крупного ничего, ветер усилился, клёв совсем никакой стал, к берегу поплыли.

Большой рыбалки так и не получилось, не повезло с погодой, но тем не менее охотку сбили, проветрились, да и экзотическую рыбу поймали, которую редко какому рыбаку ловить на простую удочку доводится.

Кубанские плёсы

Хотя после Енисея и Ангары Кубань-река похилее, на Северном Кавказе она числится в списке больших, и в районе Краснодара так оно и есть, даже без учёта водохранилища, по которому яхты ходят. Но там мне порыбачить не довелось. А вот верхний её отрезок, километров этак в двести, оттоптал за многие годы жизни в этих местах. И всяческую рыбу приходилось ловить. И весеннего подуста, некрупного, но очень осторожного. И усача разных размеров, от мизерного до вполне приличного, килограммового. И даже, бывало, по весеннему многоводью форель попадалась там, где её вроде и не должно быть.

Главная особенность верхней части Кубани — это её ежегодное изменение русла. В зависимости от паводка, который никогда не бывает одинаков. Осенью ходишь по одним ямкам и перекатам, только поймёшь, что где есть, а на следующее лето на месте бывлой протоки — сухое углубление, а там, где берег был, речка бежит. Поэтому рыбалка здесь не терпит консерватизма. Из всего диапазона возможных со временем я предпочёл ловлю голавля. Причём не только на Кубани, но и на Малом и Большом Зеленчуках. С весны, когда удочку с тестом или сыром плавленным пропускаешь по-над самым бережком (берёт он тогда в омытинках, неторопливо, топя поплавок), и до поздней осени,

когда плывёт жёлтый лист, вода становится прозрачной, рыба скапливается в ямках, и к этим ямкам приходится подбираться осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть греющуюся у поверхности стайку, куда и метишь поздним, уже квёлым кузнечиком... Так что об этой рыбалке можно было бы многое рассказать, но дело в том, что она слишком традиционна, а значит, трудно чем-либо удивить или удивиться...

Но был всё-таки один случай, которому я удивился...

...После застойных, а затем перестроечных наступила пора переходная. Я бросил госслужбу в газете «Ставропольская правда» и открыл с сотоварищами фирму в Черкесске, Северо-Кавказское информационно-рекламное агентство. Она начала развиваться, обрастать идеями и людьми, страдая, как мы все в те годы, всеядностью изголодавшихся в рамках социализма по живому делу...

Это была прекрасная пора. Наконец-то можно было выплеснуть накопившиеся идеи без оглядки на партконтролирующие инстанции... За пару лет агентство разрослось до размеров хорошего полипрофильного управления... Собственная газета, издательство, цех по фасовке лекарственных трав, оптовая торговля, транспортные услуги, купля-продажа недвижимости... Дочерние фирмы в городах и всях. Одна — в Москве, с местом на товарной бирже...

Похоже, каждому поколению в истории отпущен свой звёздный час, своё, присущее только ему, деяние. Моему (во всяком случае, той его части, которой тесно было жить в прокрустовом ложе соцравной безликости) выпало торить пути к будущему обществу... И отчасти пережить трагедию понимания того, что новое общественное устройство более жёстко, более низко по идеям, более животно по отношению к себе подобным, более низменно по желаниям...

...Но и оно неизбежно уступит место иному будущему...

Да, в итоге в конце прошлого века в России выиграла не энтузиасты-романтики, хотя именно они были первыми, а прагматики, пришедшие чуть позже и лишённые альтруистской близорукости первых... Мы трудились ради дела, они — «делали» деньги. Это были те, кого позже окрестили «новыми русскими».

Но всё-таки было чертовски интересно всё попробовать...

Но вернёмся к теме. В этот прекрасный романтический переходный период приехал из Харькова кузен, тоже периодически становящийся заядлым рыбаком, и мы с ним на пару завели правило на выходные выезжать на Кубань. Ловили в основном голавля, предпочитая путешествие по берегу скучному сидению с закидушками на ямах.

Вот и в тот августовский пасмурный день проехали от Черкесска километров пятнадцать вниз по течению на облюбованные раньше перекаты, где держался приличный голавль. И разошлись, ибо такая уж это рыбалка: можно, конечно, и вдвоём на одном перекате стоять, но лучше на разных — шансов больше.

К закату встретились в том месте, где оставили машину. И, как бывает, пока ещё не стемнело и виден поплавок, всё кажется, что самая большая рыба ещё не поймана; вот и решили пройтись по берегу между двумя перекатами, который по приезде проигнорировали из-за спокойного течения. Особо расходиться не стали, пошли друг за другом вниз по реке, впереди — кузен, следом — я; если он пропустит — глядишь, на моего кузнечика соблазнятся...

Вдруг вижу, подсёк он и замер, а удилище — в дугу, словно зацепилось. Так и решил, да слышу — кричит: мол, крупный попался... И точно, гляжу, топчется на месте, а подвести к берегу никак не может... Ничего себе, какой голавль должен быть невиданный, чтобы так сопротивляться... Я свою удочку бросил, поспешил на помощь. От усердия в воду влез, руками, ногами вытолкал рыбку на берег, прижал, да и сам рыбак подскочил, руками под жабры...

Сазан... Килограмма на два...

То, что сазан, — неудивительно, в Кубани они водятся, с размытых прудов попадают. И держатся как раз вот в таких ямах, с водоворотиками... Но чтобы на кузнечика попадался... Не увидел бы своими глазами — не поверил...

Пообсуждали это событие и нежданную удачу, порадовались, в азарте ещё несколько раз вдоль омытинки прошлись, но не только сазана — голавля больше не поймали.

Уже стемнело, пора было собираться.

Сложили удочки, ещё раз полюбовались сазаном, выложив его рядом с такими мелкими в сравнении голавлями, и поехали домой.

Ни до, ни после ловить сазанов на кузнечика мне не приходилось. И видеть, кстати, чтобы кто-то ловил, тоже...

Хотя, говорят, в Средней Азии это вполне привычное дело...

Форелевая охота

Единственная рыбалка, которую я считаю настоящей охотой, когда необходимо умение скрадывать добычу, — это ловля форели. Мне доводилось охотиться на неё на Кубани и Большом Зеленчуке и на их притоках в красивых ущельях Архыза и Даута, Мухора, а также на вовсе безымянных речушках, но всегда не хватало времени, чтобы насладиться этой рыбалкой до конца, поэтому так пока она и остаётся заветной и желанной, неутолённой...

Первый раз я попробовал поймать эту рыбу в верховьях Зеленчука, в Лунной долине, последней перед снежными вершинами в верховьях Архызского ущелья. Здесь тогда, в начале последнего десятилетия двадцатого века, была пара ведомственных баз (деревянные домики на огороженной территории), куда в августовские, ещё жаркие, дни мы и приехали отдохнуть, подышать горным воздухом,

позагорать, если удастся — пособирать грибов, в том числе и редких белых. Ну а для меня самым главным было наличие реки, в которой, правда, водился всего один вид рыбы — форель.

Раньше я уже видел, как, чем и на что её ловят, но вот сам ещё не пробовал. Не было у меня и, в общем-то, необходимого для специализирующегося на этой ловле рыбака деревянного ящичка, эдакого маленького наплечного короба под рыбу. Дело в том, что форель, живущая в холодных водах, на воздухе и в тепле катастрофически быстро начинает разлагаться. Носить её в полиэтиленовом пакете, как того же голавля, нельзя, тогда процесс разложения ускоряется. Деревянный, не так быстро нагревающийся, длиной сантиметров двадцать пять — тридцать, ящичек позволяет держать улов в относительной прохладе и в таком же относительном просторе.

Если ёмкость под добычу не очень проста, то удочка профессионала, наоборот, поражает этой самой простотой. Всяческие заводские мудрёные удилица не очень подходят для ловли на горных реках, где, как правило, приходится забрасывать из-под кроны дерева, а значит, большая длина лишь будет создавать неудобства. Кроме того, удилице должно быть достаточно тонким, лёгким, гибким, упругим. Лёгким — иначе рука устанет (как правило, и забрасывать, и подсекать приходится одной), да и удочку не положишь: дескать, ловись, рыбка, пока передохну... Тонким, гибким и одновременно упругим — чтобы чутко реагировало на поклёвку. Хорошо подобранное удилице — пожалуй, самое основное в форелевой снасти...

Леска чем тоньше, тем лучше, желательно прозрачная и прочная: форель-рыба сильная и, несмотря на невеликие размеры той, что водится на Северном Кавказе, берёт наживку резко и сопротивляется отчаянно. Крючок вполне подходит тот же, что и на голавля, с длинным цевьём. Длина лески больше длины удилица на полметра-метр, так чтобы удобно было достать крючок или рыбу левой рукой. А вместо поплавок — кусочек тряпочки, желательно самой неприметной. Функция её — ориентировать рыбака, на какой глубине находится приманка.

Можно, конечно, пользоваться и небольшим поплавком, но тряпочный мне показался более эффективным и удобным.

Что же касается приманки, то чаще всего я ловил на водяных жучков, которых собирал тут же, под камнями. (Признаться, даже не знаю, как правильно они называются, в обиходе же их обызывают «черепашками», «бекаразиками»...) Видел, что ловили и на червячков, добываемых из-под коровьих лепёшек. И на короеда... Как правило, приманка зависит от места, речки, берегов...

Но вернёмся к собственно рыбалке, когда, настроив, естественно, не столь хорошую, как описал, снасть, я отправился по речке, забрасывая прежде всего в белые буруны на перекатах. Опыт ловли

хариуса во многом помог мне и в определении мест, где должна была держаться форель, и в забросах и проводках, и в реакции на, как правило, неожиданный и резкий рывок. Именно этот момент стремительного реагирования на поклёвку в конечном итоге и определяет удачу.

Прошёл одно уловистое место... Ничего... Другое... Опять безрезультатно. Засомневался: а есть ли вообще в этой речке рыба? Поднялся на скалу над изумрудной ямкой за перекатом, пригляделся и увидел: в глубине, на самой границе пузырящейся воды, мелко-мелко работая хвостом, словно застыла вполне приличная рыба... И вдруг — не успел как следует разглядеть — исчезла... И снова появилась, практически на том же месте... С трудом сдерживая волнение, стал опускать снасть, приподнялся, чтобы лучше разглядеть... и ничего больше не увидел...

Позже я понял: чем дальше стоишь от границы воды, тем лучше. Попался в поле зрения рыбы — и её уже нет на этом месте. Пошумел — вообще не увидишь... Вот почему я эту рыбалку называю охотой...

Лучше всего ловить в пасмурные или дождливые осенние дни. Тогда и подойти можно ближе к берегу, и берёт форель более азартно...

Но вернёмся к прерванной охоте.

Убедившись, что рыба всё-таки есть, и получив первый урок осторожности, я стал менее шумен и наконец в одной из омытинок ощутил тот самый долгожданный удар-рывок — и на берег вылетела поблёскивающая на солнце, размером чуть больше ладони, рыба... На ощупь она оказалась холодной и удивительно упругой, а на цвет — просто загляденье...

Это была моя самая первая форель...

В тот день я поймал ещё одну, поменьше, и нескольких не подсёк. От старания...

Более удачной получилась рыбалка в Даутском ущелье, на притоке Кубани, в месте заповедном и для большинства туристов закрытом. Пару лет мы ездили туда на короткий отдых всей командой, и эти дни запомнились первозданной окружающей красотой, вечерними кострами с грогом, грибникам — грибами, а рыбакам — рыбалкой. Крупной форели я здесь не ловил, но зато мелкой — более успешно, чем где-либо. Стоит отметить, что больших килограммов улова здесь не бывает, даже самым удачливым удаётся за день добыть не более трёх десятков... Слишком осторожная эта рыба. Слишком быстрая... чтобы позволить поймать себя дилетанту...

Несколько раз на световой день выезжал на Большой Зеленчук, в район Зеленчукской обсерватории и городища (туда, где уже в новом веке неожиданно открыли уникальное изображение Христа на скале; и вообще — символическое сочетание: телескоп, астрономы и археологи в одном месте). Но в таких поездках ловил мало, эти места успешно облавливались жителями посёлка Буково.

Правда, были и совершенно неожиданные удачи. На излёте весеннего половодья (которое приходится в предгорье на июнь — период интенсивного таяния снегов и ледников в горах), когда реки уже пронесли основную массу грязи, но ещё непрозрачны. Это время первой рыбалки голавля, и несколько раз мне приходилось вылавливать попутно и форель в совершенно неожиданных местах на Кубани и Большом Зеленчуке. Насколько я понимаю, это были случайные, очумелые особи, которые скатывались вниз вслед за большой водой, а потом возвращались обратно, в чистые, прохладные и привычные верховья этих рек. Но каждый раз такая случайная добыча заставляла забыть о голавле и в надежде всё бросать и бросать снасть в место, где взяла форель...

Янкульская ловушка

Этот водоём случайно попал в поле зрения и довольно-таки быстро, за пару сезонов, исчез с горизонта интересов. Ничем он не примечателен, кроме лишь истории, которая произошла с нами на одной из рыбалок. Да ещё тем, что ездили мы туда с редким рыбаком. Горцы, как правило, рыбной ловлей не занимаются. Отчасти поэтому в кавказских реках сохранилась рыба. Но вот этот черкес оказался не только заядлым, но и настоящим рыбаком, имеющим свой секрет приготовления наживки и приманки. В том, что его наживка эффективнее наших, я как раз и убедился на Янкуле. Правда, так и не узнав её состава. А выглядела она как чёрный-чёрный хлеб. В воде от неё расходилась цветная жирная кайма, как от бензинового пятна. В её составе, помимо теста, были перекрученный на мясорубке грецкий орех и какие-то травы... Причём на прикормку он катал шарики тёмные и разбрасывал на месте предполагаемого лова. Затем забрасывал туда снасть, но уже с другой, более светлой, насадкой.

Познакомились мы весьма необычно. Шёл тысяча девятьсот девяносто второй год, страна вибрировала от страстей, в ходу было высказывание о лодке, в которой находимся все мы («и не надо её раскачивать»), а плыть она может только в одну сторону. А так как никто не был уверен, куда именно плыть, в чести были всяческие предсказатели... Он появился в офисе, представился Посредником (не расшифровывая этого слова — и так всё ясно: взгляд вверх), так как заинтересовался нашей газетой («высокий уровень свободы»), и предложил совместное дело.

Комплименты — вещь приятная. Да и дело если прибыльное... Попытались мы увязать наши интересы, даже заработать вместе в информационной области, подолгу просиживая в Москве, но в конечном итоге я приобрёл опыт общения с мировыми авантюристами, а он заработал на подержанные «Жигули»...

Более успешными были совместные поездки на рыбалку. И одна из них — на Янкуль.

Янкуль — населённый пункт рядом с трассой Ростов — Баку, между Невинномысском и Минеральными Водами. Несколько километров в сторону — и деревня, за которой открывается довольно большой водоём, с холмистым противоположным берегом. Вот на этот высокий берег мы и проехали по узкой, с крутым подъёмом, дамбе и по склону по-над водой к середине, где и остановились.

Было начало осени и неустойчивая погода. (Приехали мы под облака, а спать ложились под мелким, вяло морозящим дождеком.) Закинули удочки, завезли «резинки» (самая лучшая здесь снасть). Посредник уединился на выступающем мысочке и закинул удочку как смог дальше от берега (как правило, он ловил только на одну снасть и забрасывал её далеко). Мы же раскинули весь свой арсенал, включая две «резинки»...

Об этой снасти несколько подробнее. Впервые я увидел её на юге России, хотя вполне возможно, что ловят на неё везде, где есть спокойная вода. Это десяти-пятнадцатиметровый кусок специальной прочной резины (когда её не было в продаже, использовали резину, входящую в комплект авиаконструктора «Сделай сам»), привязанный одним концом к солидному, не сдвигаемому без усилия грузу, другим — к толстой несущей леске, на которой, на расстоянии в среднем в метр, привязаны поводки. Иногда десяток и больше. Груз завозится или забрасывается как можно дальше от берега, так чтобы поводки лежали на рыбном пути. Рыбак усаживается у настроенной, как закидушка, снасти и по движению груза на леске или колокольчику определяет поклёвку. Леской же подсекает и выводит рыбу и затем, обновив наживку, отпускает её обратно вслед за сжимающейся резинкой, возвращающей поводки на старое место.

Удобная и ленивая снасть. К тому же и уловистая.

...Несколько карасиков до ночи поймали. Посредник оказался удачливее и на закате принёс двух приличных сазанчиков, так что в этот морозящий вечер мы были с ухой.

Ночевать пришлось всем в машине, ибо палатку мы с собой не брали, рассчитывая переспать у костра, но дождь сломал все планы. Вчетвером спать в машине можно только сидя, поэтому, как только рассвело, начали ловить. Но клёв был очень вялый, да и брал в основном некрупный карась; лишь Посредник опять на свою наживку поймал трёх сазанов, около килограмма каждый. К полудню мы решили возвращаться. Собрались, уложили всё в машину, я сел за руль, повернул ключ, отпустил сцепление, и... машина начала медленно разворачиваться, одновременно скользя по склону вниз...

Не помогла и тройная человеческая тяга, машину всё более и более стаскивало к обрывистому берегу... Наконец мы поняли, что

своими силами не обойтись, и вдвоём отправились в деревню на другой берег (напрямую совсем недалеко, но по берегу километра три с лишним будет).

По дороге встретили мужика на подводе, который заверил нас, что его конь с задачей справится, и, обнадёженные, вернулись к машине. Но и добавок лошадиной силы к нашим результатам не дал, хотя чуть-чуть по склону протащить её и удалось, но дальше он стал круче, и тут уже сложенных силёнок не хватило.

Опять затопали в деревню.

Была суббота, послеобеденное время, и оказалось, что единственный тракторист, который мог нас выручить (как в каком-то старом фильме), уехал на свадьбу в соседнюю деревню...

Почти до темноты мы ходили по дворам, пытаясь найти сколь-нибудь пригодный для нашей выручки механизм, но в конце концов вынуждены были смириться и, заглянув напоследок к председателю колхоза, заручившись его поддержкой и словом обязательно отпустить нам на помощь тракториста, как только тот появится, мокрые и грязные от хождения по глинистым берегам, вернулись обратно.

Снасти доставать не было ни смысла (уже близился вечер), ни желания. Все свои запасы мы доели, чай допили... Сообразить что-нибудь из пойманной рыбы не могли из-за всё так же морозящего дождя и отсутствия дров, за которыми нужно было идти в деревню (кругом голые склоны), поэтому устроились в машине, дымили ещё оставшимися сигаретами и ждали... Наконец решили, что целесообразнее всё же двоим отправиться пешком в деревню, добраться до трассы, а там на попутном автобусе уехать домой. Мы же с Посредником оставались до вызволения машины из этой ловушки...

Но нам повезло — тракторист оказался не из загульных: прошло не так много времени после ухода наших товарищей, как мы слышали рокот трактора, а скоро увидели и «Беларусь», переваливающийся по холмам... Заметили его с другого уже берега и ушедшие и вернулись обратно...

Не буду вдаваться в подробности этой непростой дороги в пару километров, по которой болтались мы за лихачом-трактористом, ухая на кодобинах и трясясь по бровке разбитого просёлка, но в конце концов выехали на деревенскую улицу, отблагодарили нашего спасителя, а вкупе с ним заочно и председателя, и поехали домой...

С Посредником, так и не раскрывшим секрета наживки, мы постепенно разошлись, утратив взаимный интерес.

Может быть, из-за этой истории с нашим пленением на склоне не сложились у нас отношения и с Янкулем.

В жизни бывают события и встречи, которые, словно случайное пересечение орбит, существуют недолго. Но, как правило, зачинаются...

Полынный дух

Первый раз мы поехали на этот водоём под впечатлением рассказов о самой небывалой рыбалке на Северном Кавказе. Собрались вчетвером под выходные, с обеда в пятницу, и, загрузив в «копейку», помимо себя, огромное множество припасов и снастей, отправились.

Как ни старались, по свету доехать не успели, по пути подкапывали червей (в исходной информации достаток червей был одним из главных факторов успешной ловли и даже бартера в случае, если сами мало поймаем) и в Дивное (райцентр на границе Ставропольского края и Калмыкии) въехали уже в темноте, а миновав его, вынуждены были ещё с полчаса простоять в душной ночи перед перевернувшимся грузовиком, пока гаишники делали необходимые замеры. (И как он умудрился перекинуться на некрутом повороте?)

Наконец все огни остались позади, справа и слева, по нашим расчётам, была вода, тот самый Маныч, куда мы так стремились. Мы решили дальше не ехать, а спуститься по одному из накатанных съездов. Нырнули в тут же поднявшееся пыльное облако и неожиданно быстро упёрлись в водную гладь...

Рыбаки знают и поймут то самое первое нетерпение, которое утоляется только немедленным забросом... Мы собрали в свете фар снасти, торопясь и соревнуясь друг с другом, и тут же в световом клинышке позабрасывали их так плотно, что при поклёвке они неминуемо должны были перепутаться; и, лишь выждав ещё несколько минут и убедившись, что так-таки никакая рыба нас не поджидала, продолжая поглядывать на провисающую леску, стали собирать на стол (раскинутый всё перед теми же фарами брезент) ужин.

Ужин, принятый «Зверобой», позднее время да знойная ночь разморили, и потихоньку, по одному, мы разбрелись по спальникам...

Наутро нас ждало разочарование. Перед нашим бивуаком, там, где заканчивались донки, изредка поглядывая в нашу сторону, чинно вышагивала цапля...

А дальше стояли камыши, и лишь за ними виднелась чистая полоска воды...

Это был один из мелководных заливчиков, более богатый, естественно, илом, нежели рыбой...

Мы разделились на пары. Двое уехали в районный центр Дивное — на разведку и за дровами (которых мы, в отличие от червей, привезли, как стало очевидно, недостаточно), двое остались ждать на теперь уже откровенно скучном и безнадёжном берегу.

Наконец «копейка» вернулась, и «разведчики» сообщили, что до Маныча нам ещё надо проехать по трассе почти до калмыцкого берега, затем по-над Манычем — в сторону железнодорожного моста, ибо самые уловистые места именно там...

Даже завтракать не стали, мигом смотали снасти и попылились опять к трассе, а потом уже с неё ушли теперь уж к явно видимому и широкому Манычу...

До железнодорожного моста, соединяющего берега уже почти у самого истока, оказалось неблизко — без малого полста километров. Набитая полевая дорога извивалась вдоль самой воды, и от этого нетерпение наше всё возрастало и возрастало...

Наконец доехали до железной дороги, связывающей Ставрополь с Элистой. Здесь, возле моста (как мы потом узнали), было самое охотничье место, ибо утки и гуси беспардонно нарушали границу Калмыкии и Ставрополя и залетали с той, заповедной и практически безохотничьей, стороны, радуя охотников с нашей, явно убеждённых, что именно там, в Калмыкии, и гусь, и утка и больше, и гуще...

Под мостом среди зарослей камыша виднелись блюда, в которых, по всем приметам, сидели крутые сазаны и ядрёный карась, и мы опять принялись распутывать снасти и, торопясь, закидывать их...

Стоял уже полдень. Жаркий, за тридцать градусов...

Именно на жару можно было списать олимпийское спокойствие поплавков, но мы физически ощущали, как стремительно уходит время: вот он близится, второй наш манычский вечер и последний, потому что самое позднее завтра после обеда надо будет возвращаться... Вот он приближается с каждым мгновением. А мы даже не видели поклёвки... Только высохшую степь, множество цапель по пути и пыль, покрывшую всё в машине, включая нас... А ещё более всего хотелось спрятаться в тень и пить пиво, которого у нас не было...

Через пару часов мы приняли решение ехать далее, будь что будет, туда, где большой Маныч сужался, бился на протоки и в конечном итоге превращался в одну речку...

Проехали ещё с десятков километров...

И спросить-то не у кого. На калмыцком берегу виднеется кошара, но не ехать же вокруг озера...

Наконец решили, что в любом случае там, где нас нет, всегда будет лучше, как бы ни старались это место найти — не найдём, и остановились подле узкой, метра в три-четыре, протоки, за которой стоял густой камыш.

Уже не особо веря в манычскую рыбу, первым делом залезли в эту самую не очень глубокую и неприятно тёплую реку, поднимая муть, повалялись в ней, словно носороги в далёкой Сахаре (путно изобрели афоризм: «Клёв — он и в Африке клёв»). И лишь затем, уже осоловевшие от жары, закинули удочки...

То, что было потом, можно назвать промыслом... Нет, сазанов и карасей мы не наловили в ту поездку, но краснопёрка, плотва и вполне приличный окунь, похоже, нас заждались...

Скоро мы отбросили все удочки, оставив по одной, и лишь успевали вытаскивать...

Насыпали в вёдра соль, сделали тузлук и бросали прямо с крючка туда рыбу...

Когда рука устала от этого неспортивного однообразия, я решил поискать добычу покрупнее и довольно скоро в прибрежной ряске на отмели увидел круги, расходящиеся с одного места, а потом и разглядел спину чмокающего сазана. Сдерживая дыхание, бросил удочку под самый-самый... И угадал... Заворочался, заходил сазан, засосав крючок, но на мелководе я его мигом вытаскил — золотистого, трёхкилограммового...

Ужинали окунями, поджаренными на вертеле, и в темноте долго ещё нанизывали на толстую леску (дабы развесить вялить) просолившуюся к этому времени мелочь...

Мой сазан стоял в воде на привязи.

...В тот первый раз домой мы привезли только вяленую, к пивку, рыбку. И единственного сазана.

...После этой поездки практически не было лета, чтобы то малой, то огромной бригадой мы не выезжали бы на Маныч. Потом были найдены иные места, короткий путь в охотничье хозяйство Типки и на Лысый лиман, который в один год был необычайно мелким и урожайным на сазана... Были обловлены сброс и ямки по реке, на которых тоже единожды повезло несказанно: за день практически каждый из почти десятка рыбаков наловил по мешку хороших сазанов... Были ночные блуждания по степи и нашествие змей, были запомнившиеся встречи с такими же, как мы, одержимыми...

Но самое главное, что там есть и зачем я туда езжу, — это пыльный дух знойной степи и многозвёздное и такое близкое небо...

Дундинский бросок

Кузен приобрёл «Ниву» и загорелся рыбалками. Он человек свободный, мог бы днями рыбачить, но одному неинтересно, и под выходные подбивает сотоварищей (с целью разделения затрат) на поездки на различные водоёмы. На «Ниве» можно это делать, не думая о дорогах и погоде, и когда в очередной раз всплыл разговор о достаточно неблизкой, но, говорят, уловистой Дунде, а точнее, Дундинском водохранилище, что находится почти на стыке Ростовской области и Ставропольского края, решение было принято: ехать...

И вот поехали.

До Дербетовки (населённый пункт на трассе Ставрополь — Астрахань) маршрут знакомый, сколько раз через неё на Маныч катались, а вот далее, уже по рассказам, свернули налево с автостреды, проехали по асфальту (битому-перебитому), потом через

каналчик по мостику, вокруг лесополосы... Одним словом, понакрутили, понакружили, но наконец выехали... Если бы не на «Ниве» — давно бы вернулись. А так выехали. Правда, не с той стороны, с какой ожидали, но тем не менее вот она — вода, вон вдаль — дамба, а по ней и на тот, нужный нам (это по рекомендациям бывавших и рассказавших), берег можно доехать.

Так и сделали.

Пока по дамбе катили, разглядели, что водохранилище немаленькое, в пору на моторной лодке кататься. И рыбаки есть. И на бетонных плитах дамбы сидят, и в лодках на воде...

На нужной нам стороне поехали вдоль берега по накатанной-набитой колее, наконец приехали то ли к началу, то ли к концу (это как смотреть), всех рыбаков позади оставив...

На знакомом водоёме я тороплюсь сразу снасть закинуть, на незнакомом предпочитаю прежде оглядеться и, ежели есть рыбаки, пообщаться. Но тут мы проехали подальше от остальных, понадеявшись, что рыбы валом, и часа два просидели над неподвижными поплавками. Наконец решили всё же выяснить, туда ли мы попали... Вернулись к народу.

На глинистом берегу над «резинками» сидели мужчина и женщина. Ещё двое, парень и девушка, перекусывали у костерка, явно навеселе. В садке — вполне нормальный, товарный подлещик, такого ловить интересно.

Но вот клёв стал похуже, хотя нет-нет да зацепится. А берёт далеко, на глубине...

Но это у них...

Остановились в пределах видимости. Закидушки забросили, «резинки» завезли. Ждём...

Нет клёва.

Соседи хоть и не часто, но нет-нет да достанут нового подлещика, а у нас — заповедный покой.

Так и отсидели впустую до темноты.

Соседи уху заварили, а нам не из чего...

К столу пригласили. Мы прихватили водочки да сала (что любой ухе не помешает) и с удовольствием откликнулись на приглашение.

«Хозяева» наши оказались местными, из недалёкой деревни, муж с женой, а молодые — их дочка со своим мужем. Они уже на вторую ночь остались, в предыдущую неплохо подлещик шёл, килограмм с десятков взяли.

Выпили за удачу рыбацкую, разговоры повели...

Молодые скоро собрались, на мотоцикл — и в деревню... А чего не ехать даже в таком состоянии: кругом степь, гаишников-гибэдэдэшников нет, транспорта встречного тоже...

А вообще водоём хороший,— просвещали нас,— и сазан с карасём, и судак есть... На дамбе за судаком сидят... А подлещик и лещ лучше всего ночью берут, так что пора...

Тут вслед за весёлыми «хозяевами» и мы отправились к своим «резинкам». Только теперь, после ужина, терпения совсем не осталось, и скоро все вновь у костерка собрались. Допили, доели... Какая уж тут ловля — дело к рассвету близится, за беседой-то время просвистело-пролетело, надо бы и покемарить...

Наутро затянуло небо облаками, ветер поднялся, соседи стали собираться. И мы тоже. У них за ночь хоть пара поклёвок, а у нас и того не было. Нет уж, лучше на привычный Маныч, тем более что отсюда до него совсем недалеко... Собрались и отправились на Маныч...

Неразгаданный водоём — тайна манящая. О Дунде мы не смогли забыть. Уже осенью, в начале охотничьего сезона, ещё раз наведались. И опять не повезло с погодой, ветер поднялся... От такой невезухи плюнули на спортивность, достал кузен сети свои, и поставили их на ночь.

А ночью ветер стал штормовым.

Я встал до рассвета, решил зорьку на дамбе, через которую утка шла, встретить. Поехал один, но и тут не повезло: машину спрятать негде, и хоть ушёл от неё на приличное расстояние, утка надо мной, как видит, сворачивает и высоту набирает... Так и отстоял без толку.

Вернулся, гляжу — мои сотоварищи под холодным штормовым ветром у тлеющего костерка трясутся, а на ветках их одежда развешена, символично сушится... А волна — к берегу не подойдёшь...

Оказывается, решили они всё-таки сети, невзирая на волну, снять. Жалко ведь... Снять-то сняли, но вернулись в резиновой лодке, залитой водой. Чуть не вплавь. И, кстати, ни единой рыбки в них не попало...

Так что и на этот раз Дунда нам не далась.

Брег заветный

Зимняя рыбалка на юге — удовольствие стремительное. И рискованное. Толстого льда не бывает. Так что приходится порой и на лыжах, и лёжа ловить. Но тем не менее охота пуще неволи... Надо сказать, что неожиданным любителем зимней рыбалки я стал по причине наличия всё той же кузеновской «Нивы». (Вот что значит сила обстоятельств...) На моём транспорте в бездорожье не проедешь, а зимой какие в степи дороги?..

Как-то поехали мы вчетвером на Тугулук, озеро такое километрах в сорока от Ставрополя, среди полей, есть. Из летних рыбалок помнили, что карась там большой водится и окуня много.

Уже перед самым озером (вот оно, хоть пешком иди) умудрились наш вездеход на сугроб днищем посадить. Час почти провозились, пока подкопали да сняли.

Но наконец — вот он, берег заветный...

Торопливо облачились в тёплое, громоздкое — и на лёд. Не очень крепкий, но держит... Оно ведь как: сразу на любой треск пугаешься, а потом привыкаешь...

Побежали, понакрутили лунок, замерли...

Но вот один потащил, другой... Окунёк. В палец. Но берёт отменно...

Кузен, единственный из нас имевший опыт зимней рыбалки (правда, за полярным кругом), снасти, топор прихватил и по гладкому льду заскользил на середину — крупного окуня искать. Картинка, конечно: квадрат в шубе, с ящичком фанерным и топором, по ледяной пустыне скользит... А день февральский, солнечный, вполне весенний... Идёт размашисто, только гул стоит, но ему после северных льдов невдомёк поостеречься... А лёд — тресь... тресь...

Он — по водоёму, на наши предупреждения не особо реагируя, а мы — под камыши устроились и мелочь неустанно выуживаем. Кивок — тюк... и тащи... Кивок — тюк... Можно и прозевать, не страшно, сам зацепится... Надоест — вправо-влево можно отойти, убедиться, что везде одинаков, в палец, — и обратно.

И кузен вернулся ни с чем — не идёт крупный и на глубине.

Осели на местах, пригрелись...

И вдруг зашуршало, затрещало. Мы в сторону кузена развернулись, но не он, а самый большой из нас загребает руками, лёд обламывая...

Со всех сторон кинулись, забыв, что все можем провалиться, кто с буром, кто с веткой, где-то прихваченной; но не понадобилось, он сам выбрался, по грудь глубина оказалась... Выбрался и пошёл по льду к машине.

Мы засуетились: я полушубок предлагаю, кузен — водку, благо ещё осталась.

Выпил пострадавший, крикнул, шубу на голое тело накинул — и опять к лункам, окуньков таскать...

А наловили мы их тогда каждый больше чем по сотне. И вяленые они оказались совсем неплохи...

К тому же и день в памяти остался.